

В.Г.Короленко. Лес шумит

Полесская легенда

Книга: В.Г.Короленко. Собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы
Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1954
Взято с сайта: <http://textsharik.narod.ru/>

Подготовка текста и примечания: С.Л.КОРОЛЕНКО и Н.В.КОРОЛЕНКО-ЛЯХОВИЧ

"Было и былём поросло.
Лес шумел..."

I

В этом лесу всегда стоял шум – ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов, как неясное воспоминание о прошедшем. В нем всегда стоял шум, потому что это был старый, дремучий бор, которого не касались еще пила и топор лесного барышника. Высокие столетние сосны с красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь полог сосновых иголок, которыми была усыпана почва, пробились яркие папоротники, пышно раскинувшиеся причудливою бахромой и стоявшие недвижимо, не шелохнув листом. В сырых уголках тянулись высокими стеблями зеленые травы; белая кашка склонялась отяжелевшими головками, как будто в тихой истоме. А вверху, без конца и перерыва, тянул лесной шум, точно смутные вздохи старого бора.

Но теперь эти вздохи становились все глубже, сильнее. Я ехал лесною тропой, и, хотя неба мне не было видно, но по тому, как хмурился лес, я чувствовал, что над ним тихо подымается тяжелая туча. Время было не раннее.

Между стволов кое-где пробивался еще косой луч заката, но в чащах расплзались уже мгlistые сумерки. К вечеру собиралась гроза.

На сегодня нужно было уже отложить всякую мысль об охоте; в пору было только добраться перед грозой до ночлега. Мой конь постукивал копытом в обнажившиеся корни, храпел и настораживал уши, прислушиваясь к гулко щелкающему лесному эхо. Он сам прибавлял шаг к знакомой лесной сторожке.

Залаяла собака. Между поредевшими стволами мелькают мазаные стены. Синяя струйка дыма вьется под нависшею зеленью; покосившаяся изба с лохматою крышей приютилась под стеной красных стволов; она как будто вырастает в землю, между тем как стройные и гордые сосны высоко покачивают над ней своими головами. Посредине поляны, плотно примкнувшись друг к другу, стоит кучка молодых дубов.

Здесь живут обычные спутники моих охотничьих экскурсий – лесники Захар и Максим. Но теперь, повидимому, обоих нет дома, так как никто не выходит на лай громадной овчарки. Только старый дед, с лысою головой и седыми усами, сидит на завалинке и ковыряет лапоть. Усы у деда болтаются чуть не до пояса, глаза глядят тускло, точно дед все вспоминает что-то и не может припомнить.

– Здравствуй, дед. Есть кто-нибудь дома?

– Эге! – мотает дед головой. – Нет ни Захара, ни Максима, да и Мотря побрела в лес за коровой... Корова куда-то ушла, – пожалуй, медведи... задрали... Вот оно как, нет никого!

– Ну, ничего. Я с тобой посижу, обожду.

– Обожди, обожди, – кивает дед, и пока я подвязываю лошадь к ветви дуба, он всматривается – в меня слабыми и мутными глазами. Плох уж старый дед: глаза не видят и руки трясутся.

– А кто ж ты такой, хлопче? – спрашивает он, когда я подсаживаюсь на завалинку.

Этот вопрос я слышу в каждое свое посещение.

– Эге, знаю теперь, знаю, – говорит старик, принимаясь опять за